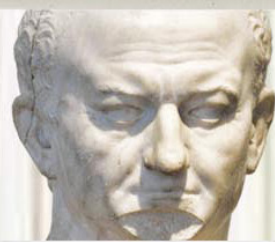
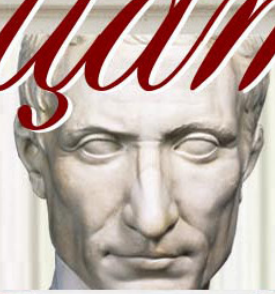
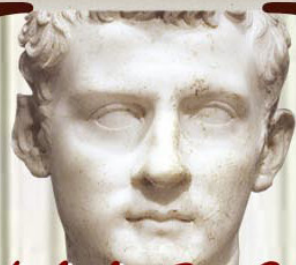

ГАЙ СВЕТОНИЙ
ТРАНКВИЛЛ

ЖИЗНЬ
Двенадцати
ЦЕЗАРЕЙ

Гай Транквилл
Жизнь двенадцати цезарей

«Центрполиграф»

2022

УДК 82.01
ББК 84(0)3

Транквилл Г. С.

Жизнь двенадцати цезарей / Г. С. Транквилл —
«Центрполиграф», 2022

ISBN 978-5-227-09859-7

Ценнейший литературный памятник, принадлежащий древнеримскому писателю Светонию (ок. 70 – ок. 140) – историку, ученому-энциклопедисту, личному секретарю императора Адриана. Собрание исторических биографий содержит сведения о происхождении двенадцати знаменитых правителей от Юлия Цезаря до Домициана. Рассказано о ранних годах их жизни, приходе к власти, общественной деятельности. Портреты цезарей щедро дополнены событиями их частной жизни, описаниями свойств характера, особенностей внешности. Завершает каждую биографию рассказ об обстоятельствах смерти императора. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82.01

ББК 84(0)3

ISBN 978-5-227-09859-7

© Транквилл Г. С., 2022

© Центрполиграф, 2022

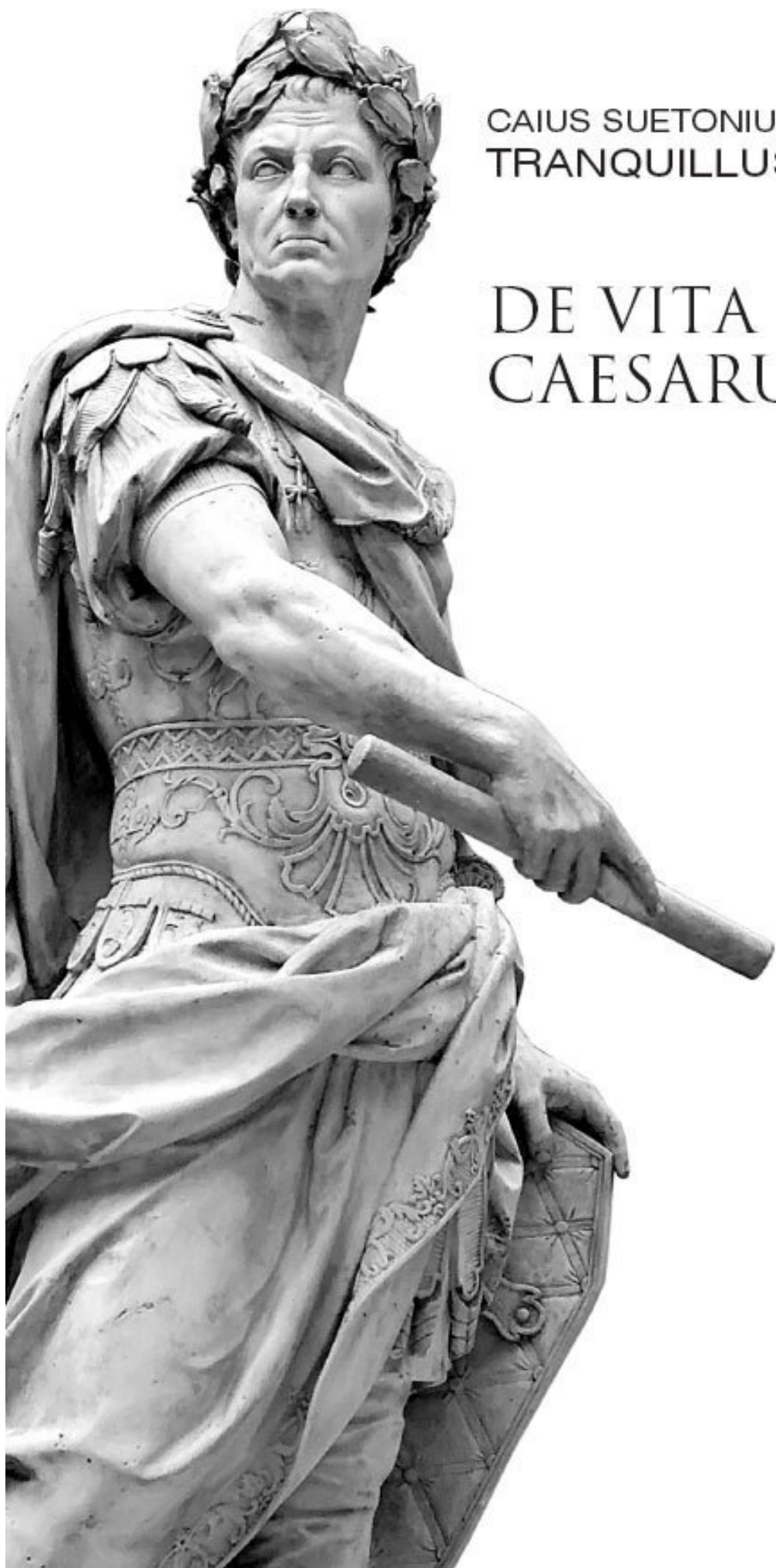
Содержание

Введение	7
Юлий Цезарь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гай Светоний Транквилл

Жизнь двенадцати цезарей

© «Центрполиграф», 2022

CAIUS SUETONIUS
TRANQUILLUS

DE VITA
CAESARUM

Введение

*Друг мира, неба и людей,
Восторгов трезвых и печалей,
Брось эту книгу сатурналий,
Бесчинных оргий и скорбей.*

Шарль Бодлер

I

Рим эпохи императоров долго еще будет привлекать внимание тех, чья фантазия в значительной степени преобладает над холодным умом. Как приятно унести в это далекое прошлое! Оно манит и влечет нас к себе, правда, туманными, но всегда грандиозными образами, в этот исключительный мир, где и злодейство принимает исключительно красивую форму. Даже Тацит, ярый республиканец и ум строго уравновешенный, и тот относится с известного рода симпатией к эпохе ближайших преемников Августа. Жестокости Нерона и его предшественников – исключая оклеветанного Тиберия – бледнеют перед блеском и особыми красками эпохи императоров. Она ослепляет, она заставляет закрывать глаза на многое, забывать горе, волновавшее тогда миллионы людей, слезы, лившиеся сквозь золото и пурпур.

Век Августа, одна из самых блестящих страниц в истории Рима, был золотым веком и для римской литературы. Со смертью первого императора началось измельчание талантов. Падение нравов идет рука об руку с падением литературы, в особенности истории. Авторы не только наказывают, но и жгут их произведения, один из видов кары, неслыханный до тех пор. При Нероне и Траяне мысль освобождается от оков, и римская литература дает своего величайшего историка, Тацита. Продолжателем его является талант несравненно меньший, но все же достаточно крупная величина, Гай Светоний Транквилл.

II

О его жизни мы знаем очень немного, причем большинство сведений дает нам его друг, Плиний Младший. Лично о себе он говорит крайне редко.

В сражении при Бедриаке, стоившем Отону престола и жизни, в рядах отонианцев дрался трибун XIII легиона, некий Светоний Лет¹, имевший право носить тунику с узкой полосой, в противоположность трибунам-аристократам сенаторского происхождения. Этот Светоний и был отцом нашего историка.

Фамилия Светониев принадлежала к числу заведомо плебейских и ничем особенным не выдавалась. В истории Рима она не играла никакой роли, если не считать знаменитого полководца, Гая Светония Павлина, победоносно воевавшего в Африке и Британии и затем, подобно Светонию Лету, стоявшего за дело Отона. Светония Павлина ошибочно считали отцом историка. Последним Светонием, известным в римской литературе, был историк императора Тацита, Светоний Онтациан, живший в III веке. Есть, кроме того, Светоний, автор книги *De animantium naturis*. Но время его деятельности неизвестно.

Светоний-отец не изменил неженке и трусу Отону до конца. Он присутствовал при его последних минутах, и благодаря именно ему мог так драматично описать их его сын. Он уцелел

¹ Vita Otonus, 10.

во время устроенной Вителлием резни офицеров, преданных его сопернику; но о дальнейшей его судьбе мы не имеем никаких сведений.

Дед Светония, как мы можем думать, занимал какую-то должность при дворе, вероятно, незначительную. В биографии Калигулы² наш историк передает со слов деда рассказ, циркулировавший среди лиц, стоявших в непосредственной близости к императору.

Ни года, ни места рождения Светония мы не знаем. Никаких указаний относительно этого не встречается ни у него, ни у кого-либо из других писателей. Можно предположить только, что в год сражения при Бедриаке его еще не было на свете или, в крайнем случае, он родился в этот год либо в самом начале царствования Веспасиана, а по мнению Моммзена, даже в 77 году.

В этом можно убедиться из его слов. Так, он сообщает³, что был еще молодым человеком, когда спустя двадцать лет после смерти Нерона, т. е. в 88 году, появился самозванец, выдававший себя за последнего представителя Цезарева дома. Рассказывая затем в биографии Домициана⁴, каким притеснениям подвергались евреи в последние годы его правления, он прибавляет, что тогда был еще мальчиком, следовательно, не старше двадцати лет.

Вопрос о том, где он родился, продолжает оставаться открытым. Мнение Fuss'a, что родиной Светония была Цизальпийская Галлия, принадлежит к числу догадок и основано на том, что наш историк был другом Плиния Младшего, галльского уроженца. Вероятнее всего, что Светоний родился в Риме, где, как мы уже видели, служил при дворе его дед.

Его детские годы прошли в счастливое правление двух первых императоров династии Флавиев, и он с признательностью говорит об этой фамилии, которая не заставила страдать государство⁵. Юность его падает на годы царствования чудовища – Домициана. Но судьба уберегла его до старости, поэтому он мог, выражаясь его собственными словами⁶, видеть, что премники Домициана отличались «честностью и бескорыстием».

В молодости он, вероятно, получил превосходное образование и, быть может, учился в том, если можно так выразиться, университете, который основал в Риме Веспасиан, обеспечивший его при этом лучшими профессорами красноречия и научных предметов.

Любовь к литературным занятиям, по-видимому, и сблизила Светония со знаменитым Плинием Младшим. В остальном, по крайней мере, между ними было мало общего. Плиний был старше своего друга приблизительно десятью годами, выше его и по званию, и по положению, и по влиянию.

Но многосторонне образованный, высоко уважаемый императором и богатый Плиний, к тому же консул и затем губернатор Вифинии, недаром считался одной из самых светлых личностей своего времени. Это был мягкий и доброжелательный человек, благородно стремившийся ко всему прекрасному, – правда, не чуждый подчас мелочного самолюбия и самодовольства, вполне бескорыстно поддерживавший литературные таланты современников и, в случае нужды, охотно помогавший им своим кошельком, благодаря своему крупному состоянию. В его доме собирались все тогдашние литературные светила, поэты и остряки. Впрочем, здесь не всегда шла речь о литературе, Плиний никогда не отказывал и в нравственной поддержке, замолвив о том или другом лице словечко у императора. Сама хозяйка дома, Кальпурния, принимала живое участие в вопросах, касавшихся литературы.

Неудивительно, что поэт, оратор, писатель и замечательный эпистолограф заметил Светония. Между ним и Плинием начинается переписка, которой мы обязаны, как было сказано

² Cap. 19.

³ Nero, 57.

⁴ Cap. 13.

⁵ Divus Vespos., 1.

⁶ Domit 23.

выше, большинству наших биографических данных о Светонии и в которой Плиний выступает в роли «отца Глейма».

В своих письмах Плиний рисует нам нравственный облик своего друга как человека и как ученого. Ему нравится его скромность и приятный характер, а равно его любовь к историческим занятиям и археологии. Вообще, из этих писем видно, какая тесная дружба связывала Светония и Плиния. Они дают друг другу советы и помогают в общих делах и частной жизни. Так, Плиний пишет⁷ одному из своих приятелей, Бебию, чтобы он купил Светонию небольшой участок земли вблизи Рима и не переплатил за него. Из подробностей письма ясно, как трогательно заботился Плиний о своем друге.

Из другого, более раннего письма⁸ мы узнаем, что Светоний занимался, между прочим, адвокатурой. Письмо это важно для характеристики нашего историка, благодаря ему мы видим, что Светоний, с такой тщательностью перечисляющий в биографиях императоров все чудесные явления, сны и предзнаменования, лично был страшно суеверен, как настоящий сын своего века. Он просит Плиния выхлопотать ему отсрочку разбора дела, так как ему приснился нехороший сон. Просвещенный Плиний пеняет Светонию за его суеверие, указывает на аналогичный пример в своей жизни, но в конце письма обещает выхлопотать ему отсрочку, если только он настаивает на ней.

Этим, однако, не ограничились заботы неутомимого Плиния о судьбе своего друга. В 104 году через Нератия Марцелла ему удалось выхлопотать Светонию место военного трибуна. Должность военного трибуна была тогда первой ступенью государственной службы. Но военная служба была, очевидно, не по душе мирному ученому, и тот же Плиний, после настоятельной просьбы Светония, со своей обычной любезностью согласился передать место трибуна его родственнику, Цезеннию Сильвану.

В 109 году Плиний должен был уехать в качестве наместника Вифинии и Понта. Светоний был в его свите, затем вернулся в Рим. Но общение между друзьями не прервалось. Плиний продолжает оказывать Светонию серьезные услуги заочно. Путем прямого обращения к императору он выхлопотал Светонию, не обладавшему материальными средствами и, по римским понятиям, голодному ученому, «права троих детей» (*jus trium liberorum*). С последними был связан целый ряд преимуществ и выгод, например, в деле принятия наследств. Брак Светония оставался бездетным, между тем лица, не имевшие детей, лишались права получения наследства после родственников или же, как это практиковалось тогда, после друзей. Только воля императора могла допустить отступление от закона.

В письме Траяну, относящемся, вероятно, к 110 году, Плиний горячо рекомендует друга своему повелителю. «Познакомившись с характером и наклонностями Светония Транквилла, одного из честнейших, порядочнейших и ученейших людей в мире, я, Государь, успел давно подружиться с ним и научился ценить его тем больше, чем ближе присматривался к нему», – пишет он цезарю⁹.

Траян согласился исполнить просьбу Плиния, причем лично отвечал ему. Таким образом, благодаря Плинию материальное положение Светония могло значительно улучшиться.

Жизнь Светония мирно проходила в занятиях адвокатурой, грамматикой – некоторое время он содержал школу грамматики – и историей.

В полном смысле слова кабинетный ученый, *scholasticus dominus*, как называет его Плиний, он упорно отказывался от службы. Но, усердно работая над своей специальностью, он

⁷ Epist. I. XXIV.

⁸ Ibid. XVIII.

⁹ Suetoniuni Tranquillum, probissimum, honestissimum, eruditiessimum virum, et mores eius socutus et studia iam pridem, domine, in contubernium adsumpsi tantoque magis diligere coepi. quanto nunc propius inspexi. (Ad Trajanum. XCIV. Epist. Recognovit C. F. XV. Muller. Lipsiae 1903).

обладал прекрасным и редким в то время качеством – скромностью. Он ничем не заявлял о себе публично как писатель, в нем не было и тени честолюбия.

Через несколько времени его положение стало щекотливым. Плиний, вчуже хлопотавший о популярности Светония, без сомнения, много рассказывал о литературных занятиях своего протеже, пока, наконец, не решил напомнить ему о своевременности издания того или другого из его трудов. Светонию вменялось в обязанность оправдать слова о нем его друга и покровителя.

В одном из писем Плиния¹⁰ мы читаем: «Постарайся, наконец, оправдать обещание, которое я дал в своих стихах нашим общим приятелям относительно твоих трудов. О них ежедневно говорят, их ждут с нетерпением, и, право, можно опасаться, что их потребуют судом. Я и сам не тороплюсь издавать свои вещи; но ты побил даже мою прославленную медленность. Перестань же мешкать, или берегись, что те самые работы, которых не в состоянии выманить у тебя лаской мои стихи, у тебя вырвут путем сатиры. Твой труд кончен и вполне обработан. От излишней отделки он ничуть не выиграет, а, напротив, проиграет. Сделай мне одолжение, издай свою книгу, сделай одолжение, чтобы я мог слышать, что труд моего милого Транквилла списывают, читают, продают! Справедливость требует, чтобы, раз мы так любим друг друга, ты сделал мне такое же удовольствие, какое доставил тебе я».

К несчастью, Плиний не подумал, что через тысячу восемьсот лет публика может заинтересоваться вопросом, какое именно произведение его друга ждали с таким нетерпением тогдашние литературные кружки. Плиний ни одним словом не обмолвился относительно заглавия труда Светония; но мы можем сказать наверняка, что речь идет не о знаменитых биографиях императоров. Автор издал их позже, когда Плиния уже не было в живых и когда его любимец, уже пользовавшийся влиянием, занимал при дворе Адриана место, мало напоминавшее о когда-то скромном ученом.

В 113 или 114 году скончался неизменный и бескорыстный покровитель нашего историка. Пришлось искать новые связи и знакомства, и выбор Светония остановился на близком друге того же Плиния, Гае Септиции Кларе. В своих письмах Плиний рисует его портрет такими же симпатичными красками, как и портрет Светония. По его собственному признанию, он не встречал более честного, более искреннего и более преданного человека¹¹. Ему адресовано несколько писем Плиния. Но последний ценил и его литературный вкус. По крайней мере, по его настоянию он решил собрать и издать свои письма.

Сближение Светония с Септицием не осталось без результатов, но было роковым для обоих. В 119 году Септиций становится преторианским префектом, особой близкой к новому императору, Адриану, и в том же году меняется положение Светония. Многосторонне образованный Адриан чувствовал особенное влечение к истории и древностям и – сам поэт и писатель – не мог не заметить автора, пользовавшегося глубоким уважением за свои нравственные и личные качества и за свой талант. Он пригласил его к своему двору и дал ему место, казалось подходившее к Светонию более, чем к кому-либо другому, – место секретаря, так называемого *magister epistolarum*. В данном случае Светонию, вероятно, оказал большую услугу Септиций, разделивший и его судьбу.

Придворная карьера Светония оказалась непродолжительной. В 122 году Адриан уволил его в отставку вместе с префектом. Мотивы этой крутой меры объясняет нам известный историк Спартиан¹². По его словам, Светоний вместе с Септицием нарушил придворный этикет, отнесясь с неуважением к императрице Сабине. По возвращении Адриана из Британии Светоний был смещен вместе с другими придворными.

¹⁰ Epist. V. X.

¹¹ Epist. II. IX.

¹² Hadrian. XI. 3.

Но приводимая Спартианом причина отставки Септиция кажется маловероятной. Можно еще допустить, что прямолинейный Светоний был плохим придворным и не сумел понравиться супруге Адриана, но не следует оставлять без внимания следующего. При всех своих положительных качествах Сабина отличалась отвратительным характером, вследствие чего ее страшно ненавидел царственный супруг, не раз повторявший, что развелся бы с нею, если бы был частным человеком. Именно ненависть к ней Адриана и привела к тому, что, умирая, он, говорят, заставил ее предварительно покончить с собою, чтобы она не могла радоваться его смерти. Поэтому можно согласиться с одним французским ученым, что Септиций был удален от двора, по всей вероятности, за любовную связь с императрицей и что на недостаток уважения к ней со стороны префекта император едва ли обратил бы внимание.

Как бы то ни было, на шестом десятке своей жизни Светоний сошел со сцены и должен был отдаться исключительно литературным занятиям. Его общественная деятельность кончилась.

Быть может, он молчит о ней под влиянием горького чувства и только вскользь упоминает о своей жизни при дворе, в биографии Августа¹³.

Он умер неизвестно когда, в глубокой старости, в конце правления Адриана или, вернее, в первые годы царствования Антонина Благочестивого. В дошедших до нас литературных памятниках имя Светония упоминается в последний раз в письме Марка Фронтоня молодому Марку Аврелию¹⁴, будущему императору. Из текста письма, сохранившегося в искаженном виде, можно все-таки в большей или меньшей степени заключить, что Светоний пользовался уважением и при Антонинах.

III

Свобода от службы, наравне с трудолюбием и талантом, выработали из Светония плодотворного писателя-энциклопедиста, вроде Варрона или Плиния Старшего. Он и историк, и антиквар, и филолог, и историк литературы, преимущественно биограф и этнограф, и генеолог. Он *scriptor curiosus*, в том смысле, какой придавали этому слову древние римляне, – писатель старательный и добросовестный в своих изысканиях, добросовестный иногда до педантизма, но не умеющий отличить существенное от несущественного и еще менее способный к художественной отделке своего произведения.

Большинство его трудов, к сожалению, погибло. Некоторые из них были написаны по-гречески, например *Περὶ δυσφήμων λέξεων ἤτοι βλασφημιῶν καὶ πόθεν ἐμαστῆ*. То же следует сказать про сочинение *Περὶ τῶν παρ' Ἑλλήσι παιδιῶν*. Считать эти и некоторые другие произведения переведенными с латинского нет основания.

Одним из капитальнейших трудов Светония была история литературы в биографиях, известная под заглавием *De viris illustribus*. Это произведение состояло по крайней мере из четырех частей: *De grammaticis*, *De rhetoribus*, *De oratoribus* и *De poetis*. По мнению Моммзена, последняя книга делилась на два раздела, из которых в одном шла речь о лириках и эпиках, а в другом – о комиках, трагиках и mimoграфах. Roth думает, что в работу Светония входили и биографии юристов и философов, так что она состояла по меньшей мере из семи или восьми книг. Образцом Светонию могли служить подобные же труды Варрона, Сантры, Корнелия Непота или Гигина, не говоря уже о греческих авторах вроде перипатетика Гермиппа, каристийца Антигона, философа и теоретика музыки Аристоксена. Но цель, избранная нашим автором, была не так обширна. Он исключил из своей книги персон, прославившихся на службе военной или гражданской, и ограничился писателями в строгом смысле этого слова.

¹³ Cap. 7.

¹⁴ I. 10.

Его сочинение пользовалось глубоким уважением в древности и, вероятно, было в руках известного Авла Геллия. Блаженный Иероним, по его собственным словам, взял его за образец при составлении своего аналогичного труда *De viris illustribus*, где шла речь об известных христианских писателях, в добавление к книге Евсевия.

Если бы вышеупомянутый труд Светония дошел до нас, он значительно пополнил бы наши сведения об античной литературе. К несчастью, от него сохранились только отрывки, и то искаженные позднейшими вставками. Так, биографии Ювенала, Тацита и Плиния не могут принадлежать перу Светония. Говоря о грамматиках, автор не приводит отрывков из их произведений, а ограничивается почти голым перечнем имен, приправленным эпитаграммами. В главе *De rhetoribus* также находим перечисление нескольких известных имен с биографическими заметками и двумя примерами контрверсий. Только местами проглядывает оригинальный текст, стиль, тон и манера Светония. Дошли отделы *De grammaticis* и *De rhetoribus*, да и то конец последнего утерян. Блаженный Иероним сохранил в своей хронике, кроме отдела *De rhetoribus*, несколько мест из *De oratoribus* и *De poetis*, хотя и в сокращенном виде. В последнем отделе почетное место занимает спасенная знаменитым грамматиком Элием Донатом биография Теренция, написанная весьма тщательно, плод усидчивого труда. Она может дать понять нам, как дорог был бы для нас потерянный теперь труд Светония, другие более обстоятельные жизнеописания – Горация (быть может, сохраненное Акроном, комментатором поэта) и Лукана.

Книга *De viris illustribus* написана, по-видимому, между 106 и 113 годами. Так, упоминаемый в ней софист Исей скончался в начале царствования Траяна, а смерть Юлия Тирона относится ко времени похода римлян на Дакию, то есть к 105 или 106 году.

Справедлива, быть может, гипотеза Рота, издателя Светония, что книга, которую так страстно хотел видеть изданной Плиний, и была *De viris illustribus*.

Рукопись этого произведения долго считалась утерянной, пока не была найдена в Германии около 1452 года и привезена в Италию, вместе с сочинениями Тацита, «Германией» и «Разговором об ораторах». Но и тогда этот манускрипт не содержал всего сочинения, а лишь его первую половину, и относился, вероятно, к XIII веку. Конец кодекса был в руках известного Секко Полентоне, скончавшегося в 1463 году. На памяти этого ученого лежало до новейшего времени пятно, смывое, наконец, с него гениальным Ричлем. Говорят, Полентоне сжег вторую половину кодекса из зависти, видя в Светонии конкурента его громадному труду *De scriptoribus illustribus linguae latinae*. Но в работе итальянского ученого нет решительно никаких следов заимствования из Светония и вообще из трудов известных писателей древности. Напротив, Полентоне цитирует авторов ничем не выделявшихся.

Но и тот кодекс, который заключал в себе первую половину произведения Светония, известный под именем *Codex Henochianus*, пропал. Он не был свободен от ошибок, все же его потеря была бы неопределима, если бы с него не сняли нескольких копий. Этим копий пятнадцать, и все они относятся к XV веку. Самый старый и лучший кодекс – лейденский – писан в 1460 году, кажется, в Неаполе, новейший берлинский – семнадцатью годами позже. Большинство кодексов владеет Италия. Несмотря на то что все списаны с первоисточника, они полны разночтений.

Первое издание отрывков книги *De viris illustribus* вышло в четвертку неизвестно где и когда, но, по-видимому, в Венеции, – около 1472 года. Второе издание относится к 1474 году и напечатано в Венеции, третье – лучшее из старых – во Флоренции, в 1478 году, тоже в четвертку. Эти три старых издания составляют величайшую библиографическую редкость. В тексте каждого есть разночтения, и все кончаются на слове *сibo*, как и новейшие издания. В 1508 году напечатал свое издание знаменитый Альд. Оно основано на сличении предыдущих рецензий, но в критике текста представляет значительный шаг вперед.

Другие сочинения нашего историка: 1) О греческих играх, со значительными отрывками; 2) О римских театрах и играх, в двух книгах, известных в выдержках; 3) О римском годе, утерянное, за исключением нескольких строк; 4) О «Государстве» Цицерона, сочинение, не дошедшее до нас, но, кажется, написанное в защиту Цицерона от нападок известного грамматика Дидима; 5) О названиях и значении обуви и платья; 6) О зловещих и благоприятных выражениях и их происхождении; 7) О римских законах и нравах; 8) О знаках, употребляемых в рукописях; 9) Исторический труд о последних годах республики, неизвестный по заглавию, но, судя по отрывкам, отличный от «Жизни двенадцати цезарей»; 10) Родословная римских дворянских фамилий; 11) О знаменитых куртизанках; 12) О телесных недостатках; 13) Об установлении придворных должностей; 14) О царях, в трех книгах; 15) Смесь (*De rebus variis*) и 16) Книга, известная под названием *Prata*, или *Pratum*, сочинение смешанного характера, с большими отрывками. Некоторые приписывают Светонию, вместо Тацита, «Разговор об ораторах».

Все эти сочинения погибли. Фрагменты изданы в первый раз знаменитым Исааком Казавбоном, в Женеве, в 1595 году, вместе с биографиями цезарей, и в исправленном и дополненном виде в Париже в 1610 году.

Об утрате исторических трудов Светония не приходится особенно жалеть, так как они были весьма посредственны.

К тому же его произведения, например «О царях», преследовали столь же исторические, сколько археологические цели.

Зато мы можем благодарить судьбу, что до нас дошло самое известное произведение Светония, его биографии двенадцати цезарей.

IV

Для того чтобы верно понять это произведение, его необходимо рассмотреть с двух сторон, во-первых, со стороны необыкновенного богатства подробностями и анекдотами, важными для истории нравов римского мира вообще, во-вторых, с литературной точки зрения, не вдаваясь в преувеличенные похвалы, – столь обычные еще недавно потому только, что Светоний принадлежит к числу классических авторов.

Как писатель, Светоний обладает всеми качествами, которые так драгоценны для историка и которые не всегда бывают соединены в одном и том же лице. У него есть необыкновенная точность и неутомимое прилежание в деле разыскивания деталей и изучения источников, горячая любовь к правде, добросовестность и беспристрастие, замечательное знание литературы, истории, нравов, обычаев, государственного устройства, законов и религии своего народа. К тому же его карьера сложилась весьма выгодно для его труда. Должность императорского секретаря была, правда, довольно трудная, тем не менее не требовала опытности в политике, вследствие чего ее занимали обыкновенно литераторы. Известно, что Август предлагал ее Горацию. На первый план выдвигалась стилистическая подготовка. Через руки императорского секретаря проходили ноты иностранных послов, причем он же отвечал на них. Его не могли миновать апелляции и запросы высших правительственных лиц и губернаторов. Он же был обязан сочинять ответы им и, кроме того, вести личную корреспонденцию императора. Светоний мог близко познакомиться со всеми архивами и государственными бумагами, по всей вероятности, даже с самыми запретными, никому до того не известными, например с письмами Цезаря и Августа или стихотворениями Нерона – и, конечно, не останавливался ни перед чем, чтобы добыть нужные для него документы. Прибавьте к этому его писательский талант, его простой и ясный слог, далекий от какого-либо парения и пафоса, но чуждый всякого риторического преувеличения.

К сожалению, при всех этих положительных качествах, без которых немислим историк или, в крайнем случае, монографист, у него недостает одного – силы творчества. Впрочем, не

одной только ее. У него не только нет искры творческого элемента, благодаря которому исключительно и имеют цену вышеупомянутые качества, – он не чувствует ни малейшего желания обрабатывать собранный им материал хотя бы по тем образцам, которые не раз могла дать ему древняя литература. Вероятно, он даже и не думал об этом. Вот почему его исторические монографии вследствие своеобразной системы их писания стоят особняком. Они резко контрастируют с сочинениями подобного характера, например, знаменитыми «Жизнеописаниями» Плутарха или «Жизнью Агриколы» Тацита.

С этой стороны Светоний оригинален. У него не было предшественников. В старинной исторической или биографической литературе не было таких трудов, которые он мог бы положить в основу своего сочинения. Он интересуется преимущественно частной и интимной жизнью цезарей; но анналы, куда он мог бы обратиться как к первоисточнику, посвящены главным образом рассказам о событиях политического характера. Труды Тацита и Диона Кассия доказывают всю бедность фактами из частной жизни императоров. На основании их нельзя написать биографий подобных Светониевым. Но оригинальность Светония, в связи с своеобразной обработкой им своего материала, и составляет один из крупнейших недостатков его произведения.

Она делает из него собирателя анекдотов, ходивших в обществе, – анекдотьера, как метко называет его Лагарп, литературных и иных пасквилей, ученого, который, запершись в своем кабинете, знает многое и мог бы знать все, но для которого в его жаркой любознательности, граничащей с педантизмом, все составляют частности, а целое ничто. Причина – незнание им жизни. Не без основания древность отказывает ему в месте в одном ряду с Титом Ливием, Саллюстием и Тацитом.

Нельзя не согласиться с мнением, что он был бы неоцененным литературным помощником для какого-нибудь римского историка более ранней эпохи, например для Саллюстия, Азиния Поллиона, Мессалы Корвина или даже Цезаря, которые обращались к историческим занятиям после жизни деятельной и богатой фактами. Занятия историей были тогда еще привилегией лиц высокого общественного положения. Эти римские аристократы когда-то исполняли обязанности консулов, командовали войсками, управляли провинциями, которые были значительно обширнее, нежели многие из современных государств, и управляли почти неограниченно. Прежде чем браться за перо, описывать исторические события и давать характеристику исторических лиц, они жили жизнью своего народа, совершая исторические подвиги. Ученый материал для их труда им доставляли отчасти их помощники, научные же деятели. В отношении Саллюстия и Азиния Поллиона эту роль исполняет один из ученейших грамматиков своего времени, Луций Атей Протекстат, заслуженно называвший себя *Philologus*, в отношении Цезаря – Гирций. А каковы были количественно материалы, находившиеся в распоряжении этих лиц, доказывает пример того же Капитона. В течение своей долгой жизни трудолюбивый ученый, бывший отпущенник и даже не римлянин, а грек по происхождению, собрал, по словам того же Светония¹⁵, не менее восьмисот томов заслуживавших внимания материалов для работ Саллюстия и Азиния Поллиона!

Появлению в исторической литературе сочинений кабинетных ученых, «не делавших истории», не имевших ни высокого звания, ни влияния, мешало тогда многое, и прежде всего традиции. В последнем нас убеждают факты. Когда воспитатель знаменитого Помпея, редкий ученый и крупный талант, но все-таки не более чем грамматик и *dominus scholasticus*, вольноотпущенник Луций Отацилий Пилит, начал писать биографию своего питомца и его отца, он произвел целую литературную революцию. По крайней мере, Корнелий Непот говорил о Светонии весьма недвусмысленно: «Он первый из вольноотпущенников начал писать сочине-

¹⁵ De grammaticis. 10.

ние по истории, между тем как раньше исторические труды писали обыкновенно лица самых аристократических фамилий»¹⁶.

Ничего подобного не было у Светония. Происходивший из мещанской семьи, обладавший скромными средствами, никогда не выступавший на широкую арену общественной деятельности в качестве чиновника или военного, почти всецело ушедший в свои занятия древностями и всю жизнь рывшийся в архивах, одинаково невозмутимо рассказывающий о самых крупных фактах из политической деятельности того или другого императора, как и о его скандальных похождениях или кровожадности, несколько нелюдим и педант, он не может быть причислен к первоклассным литературным силам своего времени, несмотря на щедрые комплименты доброжелательного Плиния. Это скорее второстепенный или даже третьестепенный писатель. У него нет знания света – сама его жизнь бедна фактами – и людей, иначе ему удалось бы упрочить свое положение при дворе такого императора, каким был Адриан, с которым у него было много общего, много точек соприкосновения в любви к истории и археологии, между тем он берется писать биографии и характеристики лиц, принадлежащих отчасти к самым загадочным и замечательным во всей всемирной истории! Этот грамматик и ритор по преимуществу приступает к решению задачи, которая была бы по силам разве гению вроде Тацита!

Что ж удивительного, если он не только не решил бывшей пред ним мудреной психологической задачи, но и сделал ее еще труднее для понимания! Ему не помогли ни бесчисленные подробности в отдельных характеристических чертах описываемого лица, ни пикантные анекдоты и рассказы из области интимной жизни, ни все те подробности, которые мы знаем исключительно благодаря ему.

Виной всему система, которой он придерживается в своих монографиях.

Настоящий исторический писатель старается дать нам ясное представление о характере и всей личности изображаемого персонажа. Он следует за ним во всех стадиях его развития, начиная со дня его рождения, показывает его нам в связи с его временем, в его отношениях к среде, окружающей его в различные периоды жизни. При этих условиях изображение становится рельефнее. Оно оживляется подробностями, вносимыми под влиянием твердо установившегося нравственного воззрения. Их подкрепляет сила и глубина психологического анализа. Даже при скромных дарованиях автор старается свести все к главной цели – хочет сделать понятным для читателя изображаемое им историческое лицо, нарисовать его, как нечто целое, и объяснить, по возможности, те крупные противоречия, которые встречаются в исторических характерах, сопоставляя их.

Таковыми являются перед нами герои современника Светония, грека Плутарха, в его «Сравнительных жизнеописаниях». Каждое из них в отдельности не что иное, как органически законченное целое, ярко очерченный исторический образ. Каждая отдельная черта собрана в одно целое, и это целое глубоко западает в душу читателя. Пусть в его характеристиках встречаются подчас преувеличения, пусть они иногда представляют собой панегирики, пусть ошибочны порой суждения Плутарха, пусть его биографии в некоторых случаях напоминают собою исторический роман, – все-таки в этом романе есть и правильные соотношения, и правдоподобные перипетии! Все вполне естественно возбуждает в нас прогрессивно увеличивающийся интерес, в связи с безусловно нравственными заключениями и основной мыслью. Кто хочет, может делить всемирную историю на части, нарушать ее стройность; но у истории великих людей есть свое неизменное единство, свое психологическое достоинство.

Биографии Светония, в противоположность аналогичному труду Плутарха, не следует рассматривать как отдельные произведения. Они не что иное, как части одного и того же сочи-

¹⁶ Primus omnium libertinorum scribere historiam ausus, nonnisi ab honestissimo quoque scribi solitam ad id tempus. (De rhetoribus, 3).

нения. В последующих биографиях автор выпускает то, о чем говорил в предыдущих, если же и упоминает, то как о событиях известных, между тем как греческий историк рассказывает об одном и том же случае в нескольких жизнеописаниях.

Но если между биографиями римского автора и есть связь, то разве хронологическая. О связи внутренней, органической, об общей, основной идее, проходящей через все произведение, нет и помина. Светоний вовсе не хочет сказать, как полагают некоторые, что внутренняя и внешняя политика первых римских монархов, Юлия Цезаря и Августа, должна была бы служить образцом для их преемников, иначе он неминуемо вдался бы в сравнение деятельности того или другого императора с деятельностью основателей римского единодержавия. Мало того, в биографии Цезаря автор решается заметить, что того считают «злоупотребившим своею властью и убитым заслуженно»¹⁷.

У Светония нет общего с жизнеописаниями того же Плутарха потому, что, как мы заметили выше, он не придерживается величайших образцов исторического изложения, а пишет свои биографии по одной общей для всех схеме. У него нет ни настоящей хронологии, ни исторического кругозора, ни прагматической последовательности, ни блестящего изложения, ни тонкого психологического анализа, ни краткого обзора событий, короче, нет тех качеств, какие мы видим в бессмертном историческом труде второго его современника – Тацита.

Как же поступает Светоний? Собрав данные для биографии того или другого императора, он делит их на несколько рубрик или же подрубрик, – преимущественно в биографии Августа, – отличающихся друг от друга лишь полнотой, порядком и частностями, особенно последние биографии от первых. Сначала говорится о происхождении (причем сообщаются иногда ценные факты, не известные из других источников), рождении и детстве императора (о последнем не говорится только в биографиях Вителлия и Веспасиана), о его политической карьере, физических особенностях, домашней жизни и привычках (в некоторых биографиях, например Нерона, Гальбы, Отона и Домициана, речь об этом идет после рассказа о смерти, в других раньше), о должностях, которые он отправлял (преимущественно об императорах, достигших власти в зрелом возрасте), об их порядке, о нравственных достоинствах цезарей, об их пороках, их поведении относительно друзей и врагов, родственников, жены и детей, об их занятиях литературой или любимом времяпрепровождении, об их удовольствиях и видах разврата, которым они предавались, затем о данных ими законах или сделанных ими изменениях в конституции, об отношении к ним подданных, о войнах, которые они вели или должны были вести, об оказанных им почестях, об их заботах относительно украшения Рима. Не забыты главы и о любимых блюдах цезарей, которых, кстати, автор не любит называть по имени, далее о предзнаменованиях, оракулах или чудесных явлениях, бывших при их рождении, вступлении на престол и, наконец, смерти. Иногда факты из частной жизни императора сводятся в одну рубрику с фактами из официальной деятельности, что заметно в биографиях Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона, отчасти даже Цезаря.

Итак, Светоний дробит живой образ на тысячи частиц, как бы проделывая над ним то, о чем говорит в «Фаусте» Мефистофель ученику:

Кто хочет что-нибудь живое изучить,
Сперва его всегда он убивает,
Потом на части разнимает,
Хоть связи жизненной – увы! – там не открыть¹⁸.

Нет этой связи жизненной и у Светония:

¹⁷ Divus Julius, 76.

¹⁸ По переводу Холодковского.

Fehlt leider nur das geistige Band! —

как говорит гениальный германский поэт. Светониевы биографии ни одним атомом не напоминают живого образа. Грамматик по профессии, Светоний смотрит, выражаясь словами Ульрици, на отношения отдельных фактов человеческой жизни как на отношения отдельных слов в языке, удобно подводимых под определенные рубрики, и даже не дает себе труда примирить противоречащие друг другу черты характера. Он не умеет из отдельных камешков составить мозаику, которая верно изображала бы нам его героев.

Все краски с их оттенками тщательно перемешаны; контуры неясны до неузнаваемости. Получается удивительно пестрая смесь важного с менее важным, трагического с комическим, пошлого с возвышенным.

В недавнее время, правда, высказана мысль, что в плане биографии Августа автор придерживается изложения самого Августа, в его *Res gestae* на анкирском памятнике. В действительности же, и в биографиях и на памятнике, все ограничивается преобладанием схематизации биографических фактов над хронологическим порядком изложения. В биографии Цезаря хронологический порядок соблюдается довольно строго; но не следует забывать, что Цезарь сделался монархом лишь в конце жизни. В остальном факты биографии Цезаря сгруппированы одинаково по рубрикам.

Автор ясно говорит в биографии Августа¹⁹ о принятом им методе, нисколько не заботясь о тех печальных результатах, к которым он приводит.

Прежде всего, этот метод проявляется в отсутствии хронологии, в чем сознается и сам автор, придерживающийся хронологической последовательности лишь в начале биографий.

Приводя факты, характеризующие его героев с положительной стороны, он несколькими строками ниже рассказывает о случаях совершенно противоположных. Таковы биографии Тиберия, Калигулы, Нерона, Домициана и отчасти Цезаря и Клавдия. Невольно возникает вопрос: каким же образом одно и то же лицо может быть одновременно добрым и кровавым, грубым и обходительным, щедрым и скупым? К какому периоду жизни императора относятся те или другие факты, мы не видим из текста Светония. В биографии Тиберия²⁰ он говорит, что после удаления императора на Капри все его порочные наклонности, до сих пор тщательно скрываемые, выступили наружу. Мы вправе ожидать описания случаев, относящихся именно к периоду жизни Тиберия в его добровольном уединении, но вынуждены жестоко разочароваться. Так, случай с Гортенсием относится к 16 году, случай с шутком и Помпеем — к первым годам правления Тиберия и т. д. Подобное пренебрежение хронологией заметно и в биографиях Калигулы, Нерона и Домициана.

В биографии Тиберия же ярче, нежели в других, видно отсутствие психологического анализа. Между тем писатель, умеющий только представлять, а не выяснять причины явления, выполняет, выражаясь словами Маколея, свою задачу лишь наполовину. Перу Светония предстал такой загадочный на первый взгляд характер, как характер Августова пасынка, которого понять не удалось даже гениальному Тациту, консулару и политическому деятелю. Приводя факты из жизни Тиберия, Светоний нисколько не заботится о том, что, отдельно взятые, они внутренне не согласуются друг с другом. Тиберий остался для антиквара-Светония неразгаданной тайной. Вот почему один из новых историков Тиберия, Thamm, серьезно подозревает, что Светоний написал, собственно, две биографии Тиберия. В одной, более ранней, он относился к своему герою с симпатией, в другой, написанной под влиянием Тацитовы «Летописи»,

¹⁹ Cap. 9; Cp. *ibid.* 61; Tib. 42 и 61; Nero, 19.

²⁰ Cap. 42.

совершенно переменяет свой взгляд, соглашаясь с антагонистом Тиберия. Но, по-видимому, источники Тацита были известны и Светонию.

Таким образом, отсутствие психологического анализа превращает героев Светония то в образцовых людей и правителей, то в чудовищных тиранов, позорящих человечество. Общая физиономия изображаемых им лиц остается неопределенной для нас.

Лишенный психологического анализа, он впадает в другую крайность – изолирует своих героев от всего окружающего, от общего течения современной им государственной и общественной жизни. Политическая деятельность императоров мало интересует его. Ее фактов он касается лишь мельком. Мотивы той или другой их политической меры, ее значение для государства он обходит молчанием. Он только перечисляет политические события и вскользь упоминает даже о важных войнах, упрочивших монархию. Не будь Тацита, мы не составили бы себе ясного понятия о походах Августа, Тиберия или Калигулы. Зато ни об одной войне не рассказано Светонием так подробно, как о шутовской экспедиции Калигулы в Германию. Все, что не имеет прямого отношения к герою или не может быть включено в ту или другую из вышеупомянутых рубрик, отбрасывается. Вот почему мы всюду встречаем пробелы. Современники императоров, игравшие видную роль в истории Рима, затем лица, бывшие главными помощниками цезарей в их стремлении к господству над миром или имевшие сильное влияние на их характер и направление их деятельности, наконец, бывшие лучшим украшением литературы их времени, едва упоминаются, и то лишь случайно. Никто не узнал бы из Светониевой биографии Августа, что Меценат и Агриппа были самыми заметными его помощниками в достижении им престола; что Гораций, Вергилий и Ливий были лучшим украшением литературы его века. В стороне остаются и Ливия, и деятели правления Тиберия – Сеян и Макрон, Агриппина, Сенека, Бурр – в биографии Нерона, затем фавориты Гальбы, игравшие столь роковую роль в его жизни, и прочие. Автор совершенно забывает, что герои его труда не частные лица, а повелители величайшей монархии Древнего мира, и что если интересна их интимная жизнь, то еще любопытнее их жизнь как государей. Наряду с неясностями и пробелами встречаются беспрестанные повторения, утомляющие читателя своим однообразием.

Следовательно, если произведение Светония рассматривать объективно, с литературной точки зрения, мы не можем не признать его весьма слабым, бедным по замыслу и неудачным по исполнению. Его сочинение *De viris illustribus*, несмотря на краткость, в литературном отношении выше биографий. Вот почему ни один современный исторический писатель не взял бы их образцом для своего труда. Это скорее драгоценное собрание материалов для биографий императоров, нежели сами биографии.

Только небольшое жизнеописание Веспасиана удалось Светонию. Здесь ярко выступает мужиковатая личность первого Флавия с его юмором, соединенным с трезвым взглядом на вещи. Правильно освещены и исторические факты. Довольно правильно, хотя и бледно, обрисована еще личность Цезаря, но и только.

V

Если же мы станем рассматривать сочинения Светония субъективно и не будем искать на его страницах решения трудных психологических загадок, наш суд, конечно, будет совершенно иной.

Книга Светония – один из значительнейших и интереснейших литературных памятников, оставленных нам древностью. Она составляет естественное пополнение историков и моралистов в деле нашего ознакомления с историей первого века императорского Рима.

Нельзя не согласиться, что Светоний дает только частности и заметки в сыром виде, но сообщаемые им сведения – результат изучения им источников, доказывающий, что наш автор прошел серьезную историческую школу. По своему обилию, точности и достоверности они

дают автору почетное место в истории серебряного века римской литературы. Он пользовался всем – и рассказами, слышанными им от родных, и своим знакомством с лучшими литературными силами Рима, и богатейшими сокровищами частных и общественных библиотек, и историческими памятниками – например, monumentum Ancuranum и собраниями всякого рода. Протоколы заседаний сената и народных собраний, эдикты магистратов, летописи, родословные римских дворянских фамилий, надгробные речи, речи государственных деятелей, политические и биографические мемуары, затем вся литература – особенно Ливий – до анонимных пасквилей и летучих листков включительно, масса сборников писем и анекдотов, дворцовые архивы и даже бумаги, найденные по смерти императора, – все это тщательно пересмотрено, и из всего извлечен необходимый материал.

Но, черпая из лучших литературных источников, Светоний нередко говорит и как личный свидетель. Не были упущены из виду и устные рассказы, особенно при жизнеописаниях последних императоров, когда, по причинам вполне понятным, письменные источники встречались значительно реже. Устными источниками Светоний начинает пользоваться уже при составлении биографии Тиберия. Для жизнеописания Калигулы ему пригодились рассказы деда, о Нероне многое помнил его отец, а материалом для описания ужасов царствования Домициана могли уже служить отчасти воспоминания юных лет самого автора.

О богатстве его исторических источников, притом не для различных частей, а для одной и той же части одной и той же биографии, говорят его критики. По их исследованиям, число писателей, которых он прочел только для составления кратких биографий Цезаря и Августа, не менее тридцати семи, – двадцати двух для Цезаря и пятнадцати для его преемника – не считая массы мест, где он не указывает источников, ограничиваясь краткими отметками, вроде: некоторые передают – пишут – думают – рассказывают и т. п. Ни один из античных авторов не любит так ссылаться на источники, как Светоний, что лишний раз подтверждает его добросовестность. Из указываемых им историков пять известны лишь по встречающимся у него ссылкам на них: но в данном случае мы можем утешиться тем, что все интересное и ценное извлечено Светонием и почти из всего сделана самостоятельная сводка. Что касается последней, она менее оригинальна там, где речь идет о государственной жизни императоров; но именно эта сторона биографий и интересует Светония всего меньше.

По мере приближения автора к своему времени биографии становятся все меньше и меньше, а их содержание скуднее. В жизнеописании Цезаря 89, а в жизнеописании Августа даже 101 глава, но уже Тиберию посвящено значительно меньше – 76 глав. Число глав идет, постепенно уменьшаясь, до биографии Клавдия, состоящей из 46 глав. В жизнеописании Нерона, правда, 57 глав, но дальше цифры идут, все уменьшаясь. Калигула правил Римом менее четырех лет, между тем ему посвящено 60 глав, Веспасиану, царствовавшему десять лет и крупному политическому деятелю, – всего 25 глав. Помимо всего этого, в позднейших биографиях заметна бедность подробностей чисто биографических и главным образом относящихся к частной жизни императоров. Источники все реже и реже называются по именам. Чаще всего Светоний ограничивается простою ссылкой на писателя, который так или иначе передает об известном событии.

Автор делает это без умысла и вполне естественно; но его поведение нельзя истолковывать случайным изменением системы ссылок на источники, как думает Lehmann, или недостатком гражданского мужества, как это делает Bernhardt. В ошибочности последнего взгляда можно убедиться, прочитав биографию Домициана, не лишенную, при всей своей краткости, откровенных разоблачений темных сторон деятельности и характера последнего из Флавиев.

Другая теория принадлежит Нибуру. По его мнению, Светоний для заключительных глав своего труда не имел заранее сгруппированного и обработанного материала, а должен был черпать сведения исключительно из первоисточников, пополняя их рассказами очевидцев и отчасти личными воспоминаниями.

Но против этого можно возразить, что и для VII и VIII глав труда, т. е. для времени от 68 до 96 года, в распоряжении Светония находился заранее заготовленный материал и, между прочим, исторические труды Тацита. В остальном теория Нибура довольно близко отвечает действительности.

Причина обеднения источников была независима от Светония и имела тесную связь с общим состоянием литературы в описываемую им эпоху.

Правление Тиберия и его преемников не могло способствовать развитию исторической литературы, которая вправе была лишь критически относиться к монархии, даже в лице ее поклонников. Еще хуже было положение литературы политической. В результате одни из произведений современных авторов истреблялись политической цензурой, другие, например мемуары, дневники, письма или заметки, уничтожались или тщательно прятались, из страха, самими авторами, а иногда их наследниками. Литературные процессы становятся опасными для обвиняемых уже под конец правления Августа, при всей его личной любви к литературе и терпимости к чужому мнению вообще, даже к несимпатичному ему. При Тиберии литературные процессы превратились в пугало для работников пера. Римский народ видел, как исторические труды авторов, вроде Тита Лабiena, Кремуция Корда, Кассия Севера и многих других, сжигали на форуме рукой палача, а авторов обезглавливали или отправляли в вечную ссылку. Даже член императорской фамилии, ученый Клавдий, позже император, не мог написать, вследствие строгости цензуры, истории новейшего времени так, как подсказывало ему его внутреннее убеждение, и должен был обратиться к древней истории. Быть историком было опасно и при Домициане, когда даже скрытые намеки стоили головы, что видно на примере несчастного Гермогена. Не все могли быть мучениками своих убеждений. История молчит и ждет счастливого времени, когда ей будет можно дать волю накипевшему негодованию, *senfire quae velis et quae sentias dicere* – думать что хочешь и говорить что думаешь...

И все-таки тирания, делавшая страшные усилия для уничтожения всякого беспристрастного суждения в литературе для подавления оппозиции и позволявшая писать только лести в стихах и прозе, не достигла своей цели. Самые отъявленные изверги, вроде Калигулы, Нерона и Домициана, преследованиями исторической литературы покрыли свою память еще большим стыдом, возбудили к себе еще большее отвращение, так как их чудовищные образы рисуют в истинном свете такие авторы, как Тацит и Светоний. Почти все сочинения их льстецов – о которых может дать нам понятие хотя бы Веллей Патеркул – потеряны, как и их собственные мемуары, зато сохранились почти исключительно труды тех историков, чья душа была полна отвращения против унижения человеческого достоинства тиранией, воплощенной в лице императоров.

Светоний не только усердно собирает материалы, но и умеет отнестись к ним критически. Он отлично знает, что важно для него лично, хотя нельзя не признать, что, с нашей точки зрения, это иногда не заслуживает внимания. Образцом может служить подробное изыскание о месте рождения Калигулы²¹.

Интересен тот факт, что из множества авторов, служивших источниками для книги Светония, нет ни одного грека. Маловероятно поэтому мнение, которое высказывает Thouret, что он пользовался «Историей» Азиния Поллиона, из которой он черпал весьма усердно не в латинском оригинале, а в греческой обработке. По-видимому, Светоний больше доверял своим соотечественникам. Но в том, что он читал и греческих авторов, нет сомнения²², и не Плутарх имел его в руках, а Светоний, несомненно, читал «Сравнительные жизнеописания» последнего, – который умер уже в начале царствования Траяна, – но сумел остаться независимым от него.

²¹ Caligula. 8.

²² Divus Julius, 52.

Очень важно отношение Светония к Тациту. Они были современниками, вращались в одном и том же литературном кругу, оба были друзьями Плиния, – и ни один из них, как это ни странно, не называет другого по имени!

Но Тацит был значительно старше Светония. При вступлении Траяна на престол ему шел пятый десяток, а Светонию не было и тридцати лет. Произведения Тацита, бывшего консула и видного государственного деятеля, пользовались огромной известностью среди римской интеллигенции, тогда как Светоний в это время был никому не ведомым скромным ученым, что видно и из слов Плиния. Тацит мог оказывать покровительство своему собрату по перу, меж тем как последний мог лишь почтительно приближаться к нему.

Уважение к Тациту Светоний перенес и на страницы своей книги. Его биографии вышли в свет значительно позже, чем какие-либо труды гениального историка. «Истории» Тацита стали известны читающей публике около 107 года, «Летопись» же издана между 115 и 117 годами, следовательно, по крайней мере за пять лет до выхода в свет «Биографий». Во всяком случае, Светоний, принимавший живое участие в литературной жизни Рима, не мог не знать сочинений, привлечших, несомненно, большое внимание к себе. Множество мест доказывает, что он имел перед глазами произведения Тацита, когда писал свои биографические очерки. Многие он рассказывает так же, как Тацит, и почти дословно, но иногда пополняет его и даже поправляет, но делает это всегда спокойно, не называя Тацита по имени, что можно, вероятно, объяснить симпатичной чертой характера Светония – его скромностью. По крайней мере, он, в противоположность Тациту, придает большое внимание указанию источников и мог бы только гордиться, исправляя и пополняя произведения своих великих современников. Интересно поэтому, что, приводя едкий отзыв о характере Калигулы²³ почти в тех же выражениях, что и Тацит, он, в противоположность последнему, не называет автора Гая Пассиена Криспа. Тацит²⁴ передает слух, что парфяне заставили легионы Пета пройти под ярмом, но Светоний²⁵ говорит об этом как о факте, опять-таки не называя Тацита. Последний²⁶ не решается прямо обвинить Нерона в поджоге Рима, когда сгорело около трех четвертей столицы, между тем Светоний²⁷ говорит о преступлении императора совершенно определенно. Тацит²⁸ не признает за Нероном никакого поэтического таланта, ссылаясь, в доказательство, на то, что стихи писали ему, по заказу, другие, но Светоний²⁹, возражая, рассказывает, что видел собственноручные стихи Нерона, испещренные помарками, и прочее.

Что касается сходства отдельных мест в книгах Светония и Тацита, его легко можно объяснить тем, что оба они черпали в данном случае из одного и того же источника, независимо друг от друга.

Добросовестность Светония не подлежит сомнению, и в этом отношении он стоит едва ли не особняком во всей римской литературе. Конечно, и он ошибается, но ошибается, если можно выразиться, честно, не умея разобраться в источниках, особенно в биографиях Цезаря, Августа и Тиберия. В общем, слухи и анекдоты строго различаются от фактов или свидетельств, заслуживающих доверия.

Даже те, кто не признает Светония историческим писателем, не могут не воздать должного его правдивости, начиная с древности, с его друга Плиния. Вописк называет его «одним из добросовестнейших писателей» (*candidissimus scriptor*³⁰) и говорит, что он принадлежит

²³ Caligula, 10 и Annal. VI. 20.

²⁴ Annal. XV. 16.

²⁵ Nero, 89.

²⁶ Annal. XV. 38.

²⁷ Nero, 38.

²⁸ Annal. XIV. 16.

²⁹ Nero, 52.

³⁰ *Emendatissimus et candidissimus scriptor* (Firmus, 1).

к числу тех авторов, которые в своих работах обращают внимание не на блестящее изложение, а исключительно на правду. По словам блаженного Иеронима, он описал жизнь императоров с такою же откровенностью, с какой они прожили ее. Он ведет свой рассказ *sine ira et studio*, совершенно беспристрастно, и именно к нему можно применить знаменитое выражение Тацита. Он имеет на него гораздо более прав, чем автор «Летописи», который иногда рисует мрачными красками то, что заслуживает совершенно другого отношения к себе. Он чужд политический партийности, в противоположность Тациту, и желает быть беспристрастным. В биографии Веспасиана он имеет мужество принять его под свою защиту по обвинению в алчности и корыстолюбии, а рассказывая о его изверге-сыне, не забывает отметить, что «никогда не было таких честных и справедливых должностных лиц, как при нем»³¹. Это беспристрастие, как думают некоторые, и помешало Светонию продолжить его биографии до современной ему эпохи. Быть может, он нарочно не хотел описывать последних двадцати пяти лет, чтобы не насилловать своей совести, а не из-за недостатка гражданского мужества.

Он крайне редко выступает в роли нравственного судьи. Его изложение совершенно спокойно. Вы не слышите от него ни похвал хорошему, ни порицаний дурному. Картины жизни Тиберия на Капри полны такими подробностями, что, по своей грязи, они оставляют далеко позади сцены, рисуемые Петронием, между тем Светоний ни одним словом не выказывает своих чувств, как бы желая оправдать свою фамилию Транквилл, т. е. спокойный. Только в биографиях Калигулы и Нерона автор покидает свою обычную сдержанность, а в жизнеописании Тита демонстрирует лучшие качества своего сердца – любовь и чувство сострадания, смешанного с чувством восторга. Глубокая скорбь и жгучий гнев Тацита о позорящей человеческое достоинство тирании неизвестны ему. Он был слишком молод и слишком незначителен по происхождению, чтобы мог пострадать лично от кровожадности какого-нибудь Домициана. Он едва ли испытывал те нравственные муки, какие переживал старший Плиний, свидетель ужасов времен Калигулы и Нерона, муки, которые он выражает следующими словами: «У человека есть то, чего нет у богов, – он может покончить с собой по своему желанию... Это единственный исход среди страшных жизненных мучений»³².

Светоний предполагает, что его читатели хорошо знакомы с политической историей последнего столетия и историей литературы, поэтому адресует к кругу читателей интеллигентных. Им он сообщает только интересные частности, как результат своих личных изысканий, местами очищенных критикой. Тем самым он избавляет себя от труда устанавливать хронологию событий, а читателей – следить за их последовательностью. У него не редки выражения типа «вскоре», «спустя некоторое время» и т. п. Между тем под этими неопределенными терминами можно понимать одинаково и дни, и годы, и даже десятилетия.

Но главная роль нашего автора – дать биографию в собственном смысле этого слова, познакомить нас не с внешней стороной жизни императоров, а с самой интимной, с частной, и с событиями жизни придворной.

Римское общество первого и второго века находилось в состоянии нравственного разложения. Прежние идеалы осмеяны, старинные нравы отошли в область предания. Образовалась пустота, которую могла первое время пополнить политика. Но когда прочно установившийся новый порядок вещей дал империи спокойствие и безопасность, римская интеллигенция в лице своих высших представителей обращается к изучению нравственной философии, начинает искать новые идеалы, хочет примириться с жизнью на почве нравственности. Исторические личности минувшей эпохи подвергаются психологическому анализу, вследствие чего появляются произведения биографического характера. Сам Плиний, друг Светония, писал биографии, например Вестриция Спуринны. Тацит – историк старой школы; но стремление к пси-

³¹ Domit. 8.

³² Natur. Hist. II. 7. et. XXVIII. I. extr.

хологическому анализу просвечивает в каждой строке его труда. Дарование Светония было много меньше. Его книга – вовсе не история Рима во время правления первых двенадцати цезарей, труд не исторический, а чисто биографический, что признавали и сами древние³³.

Его задача была не из легких. Гораздо удобнее собирать материалы по истории какой-либо войны или государства, чем подробности, относящиеся к придворной истории, частной жизни того или другого императора, рассказы об его слабостях и увлечениях, отношениях к родным и окружающим, о его образе жизни, обедах, туалете и т. п. На этих подробностях Светоний останавливается с особенной любовью, при этом лишь слегка, насколько это необходимо, касаясь участия цезарей в политической жизни.

То, до какой степени он увлекается частной жизнью императоров, доказывает, между прочим, биография Августа. Здесь он не посвящает завоеваниям Августа даже полной главы, между тем отводит целые пять глав описанию его наружности и фигуры, а также рассказам о его здоровье и мерах к его сохранению. Две главы говорят о его любимых блюдах и питании вообще. Наконец, три письма Августа приведены в доказательство, что он был страстным игроком в кости. В жизнеописании Нерона десять глав отведено описанию артистических наклонностей императора-актера.

Несомненно, у Светония есть желание сделать свою книгу не серьезной, а занимательной для массы читателей. Его биографии были интересны, прежде всего, людям, с которыми он жил, людям, в значительной степени утратившим интерес к политическим делам и крупным вопросам и все более и более терявшим охоту браться за что-либо грандиозное. С тем большей охотой читали эти люди рассказы о всевозможных пикантных анекдотах и похождениях, подчас граничивших со скандалом, забывая, что *il est certain que la découverte des erreurs n'est importante et utile ni à la prospérité de l'état, ni à celle des particuliers*³⁴. Это Dangeau императорского двора, это секретный историк своего времени, в противоположность публичной истории Тацита.

В этом отношении Светоний мог вполне удовлетворить своих читателей, что видно и из большего уважения, которым он пользовался в древности и в Средние века, когда был одним из популярнейших авторов, и из многочисленности его подражателей и компиляторов, и из того, наконец, что его книга дошла до нас в несравненно более полном виде, чем исторические произведения Тацита, его современника.

Его труд так же скандально откровенен, как и сами деяния цезарей; но нелюдимый кабинетный ученый был слишком нравствен для того, чтобы находить внутреннее наслаждение, правдиво рисуя, во всей их страшной наготе, пороки и разврат императоров. Правда, иногда он передает такие вещи, которые, при более строгой проверке первоисточника, оказываются преувеличенными или извращенными, например рассказы об интимной жизни Тиберия. Но подобные рассказы были в обычае времени, и от них не свободен и Тацит, не любимый за это Наполеоном. К тому же нельзя было когда-то притесняемым не чувствовать жгучей ненависти к мертвым тиранам, а эта ненависть заставляла выдавать нечто чудовищное за достоверное и верить самому невероятному.

Рисуя картины разврата, Светоний следует двум законам, которых строго придерживались античные историки. Первый закон заключается в том, что история не должна говорить лжи, а второй – что она не должна замалчивать правды. Если иезуит Мюрет жестоко нападает на Светония за его грязные подробности, то знаменитый Эразм Роттердамский берет его под свою защиту, а французский критик Lamothe le Vayer справедливо указывает, что подобная же откровенность при изображении разврата встречается уже на страницах Библии. Светоний

³³ Вопишь в биографии Проба (с. 2): Non tit. Sallustios, Livios, Trogos... imitaror, sod Marium Maximum. Suetonium Tranquillum et cet.

³⁴ Раскрытие пороков, конечно, не важно и не полезно, как для блага государства, так и для блага частных лиц. Bayle в предисловии к своему словарю.

находит себе поклонников и в позднейшее время. Так, его издатель Oudendorp в введении к своему труду называет его «писателем... которого лучше едва ли имеет древний Рим»³⁵, а тонкий критик Шлегель, сравнивая Светония с Тацитом, говорит: «Поэтический Тацит особенно мастерски описывает нации и века, изображает нечто величественное, между тем как критик Светоний лучше умеет рисовать исторические портреты»³⁶.

Наряду с любовью к правде и точностью, характеристическую особенность Светония составляет его слог, сухой, как бы деловой, и вместе с тем ясный и довольно изящный. Лишь изредка он делает попытку оживить изложение, прибегая в рассказе о прошедших событиях к глагольным формам настоящего времени. Язык его нельзя назвать вполне правильным. Он, между прочим, не соблюдает последовательности времен. У него нет и однообразия в правописании. Иногда падеж одного и того же слова встречается в разных формах на одной странице. Зато у его языка есть драгоценное качество: он совершенно свободен от риторики, болезни века, которой заражены и историки, например Тацит, и поэты, как Ювенал, и тот же друг Светония Плиний. Но современники ценили в писателе не одно изложение, но и изучение предмета. Вот почему при всей своей сжатости и холодности Светоний так богат содержанием, что в данном отношении его едва ли превосходит какой-либо другой писатель древности. Достаточно прочесть хотя бы биографию Августа, чтобы изумиться той массе данных, относящихся и к культуре, и к нравам, и к религии, и к семейной жизни. Для большой публики он немыслим без подробных примечаний.

VI

Время выхода биографий в свет может быть определено только приблизительно. Мнения ученых в этом вопросе расходятся. Одни из них, как Нибур, отрицают знакомство Светония с историческими трудами Тацита и относят время появления биографий к самому началу II века, во всяком случае до 107 года. Другие, подобно Рейхау и Леману, усматривают в сочинении Светония несомненное знакомство с «Историей» Тацита и даже пользование ею, как, в свою очередь, в «Летописи» последнего – знакомство с книгой Светония, и, таким образом, думают, что она вышла приблизительно между 108 и 117 годами. Наконец, по теории Швейгера и Прутца, биографии написаны после удаления Светония от двора. Четвертое мнение – наиболее правильное – относит появление труда Светония к промежутку между 119 и 122 годами, то есть ко времени службы автора секретарем Адриана. Это мнение разделяет и издатель Светония Рот.

Теория Нибура несостоятельна уже потому, что в известном просительном письме Плиния Траяну, относящемся приблизительно к 110 году, ходатай Светония ни словом не упоминает о таком, казалось бы, крупном труде, как биографии цезарей. Не выдерживает критики и мнение Швейгера и Прутца, так как императорские архивы, которые могли служить ценным материалом для сочинения Светония или, по крайней мере, пополнить его, были открыты ему лишь до его выхода в отставку и, конечно, не раньше поступления на придворную службу. Содержание его книги зависело отчасти от его служебной деятельности и отношения к императору.

Итак, можно, не рискуя ошибиться, предположить, что труд Светония издан в позднейшее время его жизни, если только не после смерти – мы уже видели, как мало заботился Светоний о приобретении литературной известности. Еще более подкрепляется справедливость этой теории тем фактом, что, по словам древнего писателя Иоанна Лаврентия Лидий-

³⁵ *Scriptorem... quo praestantior antiqua vix protulit Roma.*

³⁶ *Nationen und Zeitalter zu charakterisieren. das Grosse zu zeichnen, das ist. das eigentliche Talent des poetischen Tacitus. In historischen Portraits ist der kritische Suetonius der grössere Meister (Athen. I. P. 43).*

ского, современника Юстиниана, книга Светония была посвящена автором преторианскому префекту и другу, Септицию Клару³⁷. Правда, это посвящение не дошло до нас ни в одной из сохранившихся рукописей; но Иоанна Лаврентия нет основания подозревать в извращении фактов. Конечно, Светоний не желал становиться в опасную для него оппозицию и посвятил свое произведение не опальному офицеру, а именно начальнику преторианцев. Да и то единственное место, где автор упоминает о своей службе при дворе³⁸, доказывает своим тоном, что добрые отношения между подданным и императором – если только этот император был археолог-Адриан, а не солдат-Траян, как думают некоторые, – еще не нарушались. Рот считает, что биографии изданы, несомненно, в 120 году, но своего мнения не обосновывает³⁹. Одиноким стоит теория Stalir'a. Он думает, что Светоний давно уже начал обрабатывать сырой материал и, быть может, даже выпустил начало своей книги, когда еще находился в должности. Обычай издавать сочинения отдельными выпусками (*volumina*) не представлял собой ничего необычного.

VII

Текст биографий дошел до нас во всей полноте, за исключением не сохранившихся ни в одной рукописи, начиная с древнейшей, первых глав жизнеописания Цезаря. Утеряно и посвящение Септицию, где автор, возможно, говорил о целях своего труда.

Пробел в начале первой биографии был замечен уже древними грамматиками, их мнение разделяют и новейшие критики, за исключением разве первоклассного филолога Исаака Казавбона. По его теории, текст жизнеописания Цезаря дошел до нас полностью. Несколько странное начало Казавбон объясняет тем, что о молодости Цезаря Светоний говорил в отдельном сочинении, посвященном фамилии Юлиев. Эта теория несостоятельна, хотя до нас действительно дошли отрывки какого-то исторического труда Светония, где часто фигурирует имя Августа. Ошибочность мнения Казавбона доказывает фраза, сохранившаяся в известном комментарии Сервия к «Энеиде». Здесь ясно говорится: «По словам Светония, в его биографии Цезаря, по всему земному шару даны были оракулы, что должен родиться непобедимый полководец»⁴⁰.

Пропуск, во всяком случае, должен быть большой, достаточно только сравнить начало биографии Цезаря с началом биографий других императоров. Сперва говорилось, вероятно, о роде Юлиев, затем приводились подробности о рождении Цезаря, о его детстве, воспитании и т. п. Поэтому можно думать, что именно сюда относится отрывок, сохранившийся в греческом переводе вышеупомянутым Иоанном Лидийским⁴¹. Здесь мы читаем, между прочим, о происхождении имени Caesar. Будущего диктатора назвали так не потому, что для спасения умиравшей в родах Аврелии пришлось будто бы прибегнуть к операции сечения матки, – он принял прозвище своего предка, Гая Юлия, названного за свои подвиги во Вторую Пуническую войну слонем, caesar по-нумидийски. Это происхождение слова, как известно, оправдалось новейшими открытиями в области финикийского языка. Полную биографию Цезаря читал, по-видимому, Спартиан, когда писал об Элии Вере. Попытки пополнить пробел в начале рукописи встречаются уже в древнейших из них. Конъектуры очень разнообразны. В некоторых манускриптах стоит: *Annus agens sextum decimum patrem amisit sequentibusque consulibus* и т. д. В других видим добавление собственного имени, с незначительными вариациями: просто

³⁷ De magistrat. Rom. II. 6.

³⁸ Divus Augustus, 7.

³⁹ В предисловии к его изданию Светония, р. IX.

⁴⁰ Ad Verg. Aen. 6. 799.

⁴¹ De mensibus, 4.

Caesar, или Julius Caesar, Divas Julius Caesar, Julius Caesar Divas, Cajas Julius Caesar. Но все добавления не гармонируют с продолжением дошедшего до нас текста.

Заслуживает внимания тот факт, что и биография Цезаря, написанная Плутархом, сохранилась без начала.

Мы не знаем даже, как называлась книга Светония. Даваемые ей заглавия, вроде *De XII Caesaribus*, *De vita XII Caesarum*, *De vita et moribus duodecim Caesarum* и другие, являются совершенно произвольными, так как все они позднейшего происхождения.

Биографии императоров дошли до нас во множестве рукописей. Древнейшая и вместе с тем лучшая по сохранности относится ко времени Карла Великого. Это известный *Codex Memmianus*, названный так по имени своего бывшего владельца, Генриха de Mesmes (Memmius), и поступивший в его библиотеку, вероятно, около 1562 года, во время религиозных волнений во Франции. Первоначально рукопись хранилась в библиотеке известного монастыря Святого Мартина в Туре, как значится в находящейся на ней пометке, сделанной в XIII веке. В 1706 году поступила в бывшую Парижскую королевскую библиотеку, где находится и в настоящее время. Манускрипт писан на пергаменте, в четвертку, недостаточно опытным писцом, вследствие чего не свободен от ошибок, пробелов, искажений, вставок и конъектур, не всегда удачных. Первые пять слов в биографии Цезаря написаны киноварью. Заглавия биографий не везде правильны. Этой рукописью пользовался, с разрешения сына Генриха de Mesmes, Жака, Казавбон, для своего второго издания книги Светония, вышедшего в 1610 году.

Из остальных манускриптов некоторые списаны, очевидно, с не дошедшего до нас подлинника. Текст их читается частью более правильно, нежели в *Codex Memmianus*. Таков *Codex Florentinus Mediceus tertius* XI века, один из лучших, близкий к *Codex Memmianus*. Большинство других рукописей относится к XIV и XV столетиям. Многие из них, не представляя различий, не заслуживают внимания.

Существует еще несколько манускриптов, содержащих в себе извлечения из труда Светония. Здесь читателю предлагаются небольшие рассказы, наиболее интересные, из жизни императоров, – за исключением Клавдия, Гальбы и Оттона – их известные изречения и т. п. Такие извлечения делали начиная с XIII века.

Два первых печатных издания биографий Светония вышли в 1470 году в Риме, одно в августе, другое в декабре. Последнее посвящено папе Павлу II и издано Иоанном-Андреєм, епископом Алетрийским. В следующем году напечатано в Венеции третье издание из числа старых, красивая книга, где текст впервые разделен на главы. В частности все эти издания отличаются друг от друга.

Из более поздних заслуживают внимания болонские издания 1493 и 1506 годов, Эразмово базельское 1518 года, с новой рецензией текста, парижское Роберта Этьена 1543 года, со многими удачными конъектурами, оба издания Казавбона, женеvское 1505 года и важное парижское 1610 года, с превосходным комментарием, амстердамское издание Бурмана 1736 года, два лейпцигских Эрнести, 1748 и 1775 годов, – последнее исправленное по Удендорну и дополненное значительным количеством новых примечаний, но без объяснения некоторых трудных мест, затем весьма ценное издание Удендорна 1751 года, вышедшее в Лейдене, со сличением нескольких кодексов.

Из изданий XIX столетия известны: лейпцигское, 1802 года, знаменитого Ф.А. Вольфа, с отрывками из анкирского памятника и так называемых пренестских фаст, Газе, 1828 года, напечатанное в Париже, и издание, принадлежащее Роту и вышедшее в Лейпциге, у Тейбнера, в 1858 году. Отрывки из Светония изданы также Рейфершейдом в 1860 году, у того же Тейбнера.

Из изданий *in usum delphini* упомянем: парижское Бабелона, 1684 года, П.Ж. де Гранвиля, 1707 года и др. Здесь Светоний предлагается публике «очищенным от мерзости» (*expurgatus ab obscoenitate*). Есть и специальные школьные издания. Из Светония составлялись и хрестоматии. Таков вышедший в 1762 году в Берлине труд Миллера.

Литература о Светонии незначительна. В восьмом издании второго тома известного труда Engelmann-Preuss'a, *Bibliotheca philologica*, она почти за двести лет дала всего шесть неполных страниц, между тем как литература по Ливию за этот период времени перечисляется на 24 страницах, а по Тациту даже на 39!

VIII

Литературное влияние Светония очень велико. Биографическое изложение истории и затем разделение исторического материала по царствованиям было, можно сказать, официальным признанием империи со стороны пишущего класса. Когда в государстве есть монарх, который всем повелевает и от которого все исходит, отдельные царствования вполне естественно рассматривать как эпохи в жизни народа. Но Светоний писал не историю в собственном смысле этого слова, а биографии. Позднейшие писатели III и IV веков, взявшие его своим идеалом, не сумели различить два отдельных понятия и слили их воедино, между тем они желали написать именно историю. Отсюда и происходят ошибки авторов известной *Historiae Augustae*. И в выборе материала, и в его распределении видно подражание Светонию. Они также приводят отрывки речей и писем императоров, протоколы заседаний сената и т. п. И у них, как у Светония, на первом плане Рим, Италия, сенат, и их мало интересуют факты из жизни провинций.

Быть может, наша книга служила образцом и для не дошедших до нас трудов Мариа Максима, автора биографий императоров от Нервы до Гелиогабала, и Элия Корда, написавшего жизнь *obscuriorum imperatorum*. Сходство некоторых мест у Флора и Светония может быть объяснено тем, что оба пользовались одними и теми же источниками и, между прочим, Ливием, не говоря уже о том, что труд Флора старше труда Светония. Зато Светоний, несомненно, служил главным, хотя и не единственным, источником для Евтропия. Много заимствует у него и Аврелий Виктор. Его *Epitome de Caesaribus* даже приписывали Светонию. К нему же обращаются и толкователи Вергилия, Лукана и Ювенала. Его читали и Авл Геллий, и Макробий, и Обсеквент.

Из греков извлечения из Светониевых биографий Цезаря и Августа делает Полиен в своих *Στρατηγικάτα*, вышедших в свет спустя сорок лет после книги Светония. Но особенно усердно заимствует у него Дион Кассий в своей «Римской истории», написанной между 239 и 251 годами. Мнение об использовании Светонием Аппиана не выдерживает критики.

Им не брезгают и христианские писатели, наравне с византийскими. Его прекрасно знает Тертулиан, блаженный Августин и Павел Орозий, для которого он служит одним из главных источников.

Такова была завидная судьба Светония в античной литературе.

Но роль его как образца не кончилась вместе с историей Древнего мира. В Средние века, когда погибло множество трудов римских авторов, он уцелел, хотя долго, почти до половины IX века, оставался в забвении. В *Historia Miscella* Павла Дьякона, вышедшей в свет около 780 года, мы не встречаем никаких следов пользования Светонием, хотя именно он мог бы дать Павлу богатейший материал для его труда. Но при первом же зарождении самостоятельного литературного творчества у западных народов Светонию было предназначено сыграть видную роль. Эйнгард, автор знаменитой *Vita Caroli Magni*, относящейся приблизительно к 830 году, усердно пользуется книгой Светония, особенно биографией Августа. Он заимствует у римского писателя не только схему, но нередко даже целые фразы. Но между ним и Светонием есть разница: в некоторых местах подражатель – и, по-видимому, сознательно – отступает от исторической правды.

Юлий Цезарь

Молодость и брак с Корнелией. – Участие в походах. – Плен у пиратов. – Возвращение в Рим и государственная служба. – Заговор Красса. – Эдильство Цезаря. – Восстановление трофеев Мария. – Заговор Катилины. – Судебные дела. – Управление Испанией. – Триумф и первое консульство. – Цезарь в Галлии. Приготовления к междоусобной войне. – Переход через Рубикон и разрыв с правительством. – Успехи Цезаря. – Помпей покидает Италию. – Война в Испании и Македонии. – Александрийская война. – Поражение Фарнака, Юбы и Сципиона. – Окончание междоусобной войны и пятый триумф. – Преобразования Цезаря. – Его внешность и частная жизнь. – Любовные похождения. – Нравственные недостатки. – Цезарь как оратор, писатель и человек. – Заговор Брута и смерть Цезаря.

На шестнадцатом году он потерял отца. В следующее консульство его назначили жрецом Юпитера. Тогда он отказался от руки Коссуции, происходившей, правда, всего лишь из всаднической, но очень богатой фамилии и помолвленной за него, когда он был еще мальчиком, и женился затем на Корнелии, дочери Цинны, четыре раза занимавшего должность консула. Вскоре она родила ему дочь. Диктатор Сулла никак не мог заставить его развестись с женою. В наказание его лишили жреческого звания, приданого жены и родового наследства и объявили врагом правительства. Все это заставляло его скрываться и почти каждую ночь менять место убежища, хотя он жестоко страдал от перемежающейся лихорадки. От сыщиков он откупался деньгами. Наконец, благодаря ходатайству весталок и своих ближайших родственников, Мамерка Эмилия и Аврелия Котты, ему удалось получить прощение. Сулла, как достаточно известно, некоторое время отказывал в этой просьбе своим ближайшим друзьям, людям вполне достойным; но они упорно стояли на своем. В конце концов он сдался и, по внушению ли свыше или же вследствие каких-либо оснований, громко заявил, что уступает, исполняя их желание, только советует им помнить, что человек, которого они так горячо стараются спасти, рано или поздно погубит партию оптиматов, которую вместе с ними защищает теперь он, Сулла. Цезарь, по его словам, один стоит многих Мариев.

На военной службе в первый раз он оказался в Азии, под командой претора Марка Терма. Последний отправил его в Вифинию, с требованием кораблей. Он слишком замешкался у Никомеда и дал этим повод к слухам о своем безнравственном отношении к царю. Через несколько дней он вторично уехал в Вифинию, под предлогом взыскания денег, принадлежавших будто бы одному его клиенту-вольнотпущеннику. Это дало новую пищу слухам о нем. Дальнейшая его военная служба принесла ему больше чести. При взятии Митилены Терм наградил его «гражданским» венком⁴². С отличием служил он и в Киликии, под началом Сер-

⁴² Нечто вроде нашей медали «За спасение погибающих», вследствие чего на венке (corona civica) была надпись: ob civem

вила Исаврского, но недолго: узнав о смерти Суллы и надеясь на успех новых смут, которые затеял Марк Лепид, он благополучно вернулся в Рим.

Его приглашали присоединиться к партии Лепида на выгодных условиях, но он отказался: он не считал Лепида умным и, сверх ожидания, нашел дела менее блестящими. Когда, однако, волнения в республике прекратились, он привлек к суду бывшего консула и триумфатора, Корнелия Долабеллу, обвиняя во взяточничестве. Последнего оправдали, и Цезарь решил уехать на Родос, чтобы избежать ненависти и заодно, пользуясь полным досугом, брать уроки у тогдашней знаменитости, учителя красноречия Аполлония Молона. Он отправился туда морем, зимой, и возле острова Фармакуссы попал в плен к пиратам. Он пробыл у них около сорока дней. С ним был врач и два комнатных слуги, причем обращались с ним крайне грубо. Остальных своих товарищей и рабов он немедленно разослал в разные стороны, собирать деньги для выкупа. Как только после выплаты пятидесяти талантов его высадили на берег, он немедленно погнался с флотом по пятам за убежавшими пиратами. Взяв в плен, он казнил их, чем не раз грозил им шутя.

В это время Митридат опустошал ближайшие римские владения. Тогда Цезарь, не желая оставаться равнодушным к несчастиям римских союзников, покинул Родос, цель своей поездки, приехал в Азию, собрал войско и выгнал из провинции царского начальника, чем удержал в повиновении колебавшихся и не знавших, что делать, союзников.

По возвращении в Рим он, после голосования в народном собрании, первым получил должность военного трибуна и стал горячо помогать лицам, старавшимся восстановить уменьшенную Суллой власть военных трибунов. Он даже выхлопотал, в силу Плодиева закона, шурина своему, Л. Цинне, и всем сторонникам Лепида во время политических смут, бежавшим после его смерти к Серторию, право возвращения в столицу. Относительно этого он лично произнес речь в народном собрании.

В бытность квестором он, согласно обычаю, произносил с кафедры похвальные речи при похоронах тетки своей Юлии и жены Корнелии. В своей похвальной речи в честь тетки он, между прочим, говорит следующее о происхождении ее и своего отца: «По матери моя тетка Юлия происходила от царей, по отцу – была потомком бессмертных богов: Марции Рексы, из фамилии которых происходила ее мать, считаются потомками Анка Марция, а Юлии, основатели нашей фамилии, происходят от Венеры. Таким образом, в нашей фамилии есть и святость имени царей, пользующихся среди людей высшею властью, и религиозное благоговение перед богами, от которых зависят сами цари».

После смерти Корнелии он женился на дочери Квинта Помпея, Помпее, внучке Луция Суллы, но потом развелся с ней, подозревая ее в связи с Публием Клодием. Рассказывали, будто последний, во время торжественной религиозной церемонии, пробрался к Помпее в женском платье, и рассказывали так уверенно, что сенат приказал произвести следствие об осквернении религиозной церемонии.

Затем Цезарь отправился квестором в Дальнюю Испанию. Приехав в Гадес для судопроизводства на основании указа претора, он увидел в храме Геркулеса статую Александра Великого. Он вздохнул, словно устыдившись своей лености, мешавшей ему сделать что-либо замечательное в такие годы, когда Александр успел покорить свет, и немедленно стал просить уволить его от должности, решив воспользоваться первым случаем, чтобы заявить о себе в столице более крупными делами. Сон, приснившийся ему в следующую ночь, также привел его в смущение: ему снилось, будто он спал со своей матерью. Толкователи внушили ему самые обширные надежды. По их словам, ему предназначено владычество над миром: мать, с которой он имел сношение, не могла быть ничем иным, как землею, общею матерью. Вследствие этого он уехал раньше срока и побывал в латинских колониях, требовавших себе гражданских прав.

Быть может, он уговорил бы их решиться на какой-либо смелый шаг, если бы консулы преднамеренно не приостановили на некоторое время отправку легионов, назначенных в Киликию.

Несмотря на это, Цезарь продемонстрировал в столице еще большую деятельность. Так, за несколько дней до вступления своего в должность эдила он навлек на себя подозрение в том, что принял участие в заговоре вместе с бывшим консулом Марком Крассом, Публием Суллой и Луцием Автронием. Последние были выбраны консулами, но затем обвинены в подкупах избирателей. План их состоял в том, чтобы в Новый год напасть на сенаторов и, убив намеченных ими лиц, провозгласить затем Красса диктатором, а Цезаря сделать начальником конницы. Произведя в государственном устройстве преобразования по своему желанию, они хотели восстановить Суллу и Автрония в их консульском звании.

Об этом заговоре Танузий Гемин⁴³ говорит в своей «Истории», Марк Бибул – в своих эдиктах и Р. Курион Старший – в своих речах. На это же намекает, по-видимому, и Цицерон в одном из своих писем к Аксию⁴⁴. По его словам, Цезарь, сделавшись консулом, упрочил свою царскую власть, о которой мечтал еще эдилом. Танузий добавляет, что Красс, быть может, раскаиваясь, а быть может, и боясь, не явился в день, назначенный для резни, вследствие чего и Цезарь не подал условного знака. Знак этот, по словам Куриона, состоял в том, что Цезарь должен был спустить тогу с плеча. Тот же Курион и, кроме того, Марк Акторий Назон⁴⁵ говорят, что Цезарь вступил в заговор и с молодым Гнеем Пизоном. Пизона подозревали в том, что он затевает заговор в столице, поэтому ему дали, без его просьбы и вне очереди, в управление провинцию Дальнюю Испанию. По условию, Пизон должен был поднять знамя восстания вне столицы, Цезарь одновременно с ним в самом Риме, с помощью амбронов и транспаданцев. Оба замысла были оставлены из-за смерти Пизона.

Будучи эдилом, Цезарь украсил, кроме комиция, форума и базилик, также и Капитолий, приказав выстроить временные портики, где можно было бы выставлять напоказ часть из всех драгоценных вещей. Травли же зверей и публичные игры он устраивал или один, или с товарищем. Но выходило так, что даже в таких случаях, когда расходы падали на двоих, честь приписывали одному Цезарю. Товарищ его, Марк Бибул, откровенно говорил, что с ним произошло то же, что с Поллуксом: выстроенный на форуме храм посвящен обоим братьям, но зовется исключительно храмом Кастора – так и щедрость его и Цезаря называют щедростью одного Цезаря. Цезарь устроил также гладиаторские игры, хотя количество пар бойцов было несколько меньше предположенного им. Он отовсюду набрал множество пар гладиаторов, но этим испугал своих недоброжелателей, вследствие чего было определено точное число гладиаторов, больше которого в Риме никому не позволялось иметь.

Снискав себе любовь народа, Цезарь попытался через народных трибунов добиться, путем народного голосования, чтобы ему дали в управление египетскую провинцию. У него был удобный случай завладеть этой чрезвычайной военной властью – александрийцы выгнали своего царя, получившего от сената титул «союзника и друга», что вызвало общее негодование. Однако Цезарь не получил того, что хотел, вследствие противодействия партии оптиматов. В свою очередь, и он старался, по возможности, уменьшить их влияние. Так, он приказал восстановить памятники побед Гая Мария над Югуртой, кимбрами и тевтонами, памятники, некогда сброшенные с пьедесталов Суллой, а при производстве следствия над убийцами включил в число убийц и тех, кто во время проскрипций получал за каждую голову римского гражданина вознаграждение из Государственного казначейства, – хотя Корнелиевыми законами⁴⁶ эти лица объявлялись свободными от наказания. Затем, по его наущению, привлекли к суду

⁴³ К сожалению, *Annales* этого историка не дошли до нас.

⁴⁴ Собрание писем к Аксию, в настоящее время утерянное, состояло по крайней мере из двух книг. Сенатор Квинт Акий был также другом Варрона.

⁴⁵ Ближе неизвестен.

⁴⁶ Законами Суллы о проскрипциях.

Гая Рабирия, по обвинению в государственном преступлении⁴⁷. Главным образом благодаря Рабирию сенат за несколько лет до этого добился падения мятежного трибуна Луция Сатурнина. Цезарю досталось, по жребью, быть в данном случае судьей, и он с такой силой напал на обвиняемого, что строгость судьи преимущественно и помогла последнему, когда он обратился с апелляцией к народу.

Отчаявшись получить провинцию, Цезарь стал добиваться звания верховного жреца, причем неумеренно сыпал деньгами. Отправляясь утром на комиции, он вспомнил, сколько у него долгов, и, в то время как мать целовала его, говорят, пророчески сказал ей, что вернется домой только верховным жрецом. Действительно, ему удалось одержать победу над двумя чрезвычайно сильными противниками, много старше его и игравшими большую роль, – в одних только их трибах он собрал больше избирательных голосов, чем оба они во всех, вместе взятых.

Его выбрали в преторы, когда был раскрыт заговор Катилины. Все сенаторы высказались за смертную казнь заговорщикам, один только Цезарь подал голос в пользу того, чтобы конфисковать их имущество, а самих их поселить в муниципиях и держать под надзором. Мало того, он сильно запугал сторонников крутых мер, не переставая напоминать им, что впоследствии они навлекут на себя страшную ненависть со стороны римского народа. Благодаря этому избранный в консулы Децим Силан позволил себе если не переменить свое мнение – что было бы позорно, – то, по крайней мере, смягчить его своим толкованием. По словам Силана, его предложение сочли более строгим, чем он сам считал.

Цезарю уже удалось привлечь на свою сторону очень многих, в том числе Цицерона, брата консула, и он добился бы своего, если бы Катон своею речью не поддержал колебавшихся сенаторов. Цезарь, однако, не переставал бороться до тех пор, пока вооруженный отряд римских всадников, окружавший, в целях охраны, здание сената, не стал грозить Цезарю смертью, видя его упорство. Они в самом деле кинулись на него с обнаженными мечами, так что сидевшие вместе с ним его ближайшие соседи вскочили с мест, и лишь немногие решились защитить Цезаря, прикрыв своими тогами. Тогда страшно испуганный Цезарь не только уступил, но и не ходил в сенат до конца года.

В первый же день своего преторства он привлек к ответу в народном собрании Квинта Катугла по делу о восстановлении им Капитолия⁴⁸, причем внес предложение о том, чтобы это дело поручили другому. Но он не мог бороться с тесно сплоченной партией оптиматов. Он видел, как они, отказавшись от намерения немедленно принести свое поздравление новым консулам, стали собираться в большом числе, с твердым намерением дать ему отпор. Тогда Цезарь отказался от своего предложения, но, когда народный трибун Цецилий Метелл внес один из возмутительнейших законопроектов против права интерцессии⁴⁹

⁴⁷ Процесс сенатора Гая Рабирия относится к 63 г., между тем как народный трибун Луций Апулей Сатурнин был убит Рабрием – если только это преступление лежало на совести самого Рабирия – в 101 г., следовательно, тридцатью восемью годами раньше. Обвинителем выступил друг Цезаря, народный трибун Тит Аттий Лабий, позже его политический противник. Защиту Рабирия приняли на себя лучшие тогдашние адвокаты – Цицерон и Гортенсий; но обвинение не имело успеха, главным образом вследствие грубого вмешательства аристократии.

⁴⁸ «...Первое дело, которым Цезарь открыл свою деятельность, как претор, состояло в том, что он призвал к ответу Квинта Катугла по обвинению в скрытии сумм при перестройке Капитолийского храма, а окончание постройки поручил Помпею. Это был истинно гениальный шаг. Катугл уже около шестнадцати лет занимался сооружением этого храма и, казалось, был не прочь жить и умереть в качестве главного смотрителя за капитолийскими постройками. Обличение этого злоупотребления в общественном деле, прикрываемого только влиянием знатного лица, которому оно было поручено, было по самому существу своему вполне основательно и в высшей степени популярно» (Моммзен).

⁴⁹ Противодействие должностного лица своему товарищу или подчиненному, или народных трибунов – остальным магистратам. Особенно часты были интерцессии трибунов друг другу или консулам и преторам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.